



ГЛАВА 1

Поездка обещала быть замечательной. Во всяком случае, Катьку в этом заверил Володя, он же Прапор, а уже Катька поклялась в этом мне, Даше, и Марише. Знала бы наша подруга, как ужасно она нас при этом обманывает, в глаза бы смотреть постеснялась. Собственно говоря, всей это истории могло и не быть, не приспичь вдруг Прапору купить своей маме удобный загородный домик. По очевидным для всех, кому выпала честь лично познакомиться с мамой Прапора, причинам дом для летнего отдыха своей родительницы сынуля решил купить как можно дальше от Питера. Если бы ему было позволено, я так полагаю, он свою мамулю и на Камчатку бы заслал, чтобы уж оттуда она точно не нагрянула к нему с неожиданной ревизией и не помешала развлекаться в свое удовольствие.

Только в такую даль его мама сама ехать ни за что не согласилась бы. Компромиссом для матери и сына стала Новгородская область. Тоже неблизко от Питера, утешал себя Прапор, но все же не такая уж и даль, думала про себя его мама, чтобы в случае чего добраться до Питера за пару-тройку часов. Окончательно убедило мать Прапора в необходимости покупки дома именно под Новгородом то, что она сама была родом из тех мест, вот и дала свое добро.

— Опять же цены под Новгородом значительно ниже, чем у нас, — распространялся Прапор, крепко держа руль своей «Нивы», которой он стеснялся пользоваться в городе, но ценил за неприхотливость. — За те



деньги, которые я скопил за год, поблизости от Питера можно купить только какую-нибудь жалкую халупу, правда, с огородом. А вот под Новгородом за эти же деньги получится вполне крепкий деревенский дом, да еще и с садом в придачу.

И теперь все мы в чудесном настроении катили по трассе на Новгород, намереваясь провести выходные на лоне природы, присматривая попутно подходящий домик. Настроение у нашей троицы — у Катьки, меня и Мариши — было приподнятое. Всегда приятно, когда твои близкие и друзья наконец-то начинают нормально зарабатывать, разумеется, не больше вас, иначе становится просто завидно, но столько, чтобы вести достойный образ жизни и даже время от времени делать какие-то крупные покупки. Ну вот вроде этого самого деревенского дома. Может быть, кто-то и скажет, что не бог весть какое приобретение, а все равно душу греет.

К тому же в окна машины ярко светило солнце, а по салону гулял приятный ветерок, поэтому жарко не было. Прапор уверенно вел машину, одновременно рассуждая с Женей на какие-то свои мужские темы, совершенно неинтересные нам. А мы, три девицы, уютно устроившись на заднем сиденье «Нивы», оживленно обсуждали, чем займемся по приезде в деревню.

— Хорошо бы молочка попить, — мечтательно произнесла Мариша. — Парного. Из-под коровки.

Я содрогнулась. Мое близкое знакомство с деревенским молочком закончилось самой ужасной ночью, которая была в моей жизни.

— Лучше кабанчика купить, — поддержала меня Катька, тоже опившаяся молоком еще в глубоком детстве. — И шашлыки устроить. Женька, а ты шашлыки любишь?

Этот вопрос был адресован пятому и последнему члену нашей компании, которого Прапор случайно встретил накануне и тоже пригласил в поездку. Женя



считался другом Прапора, но несведущий человек легко мог бы принять их за родных братьев. Оба высокие brunеты со смуглой кожей, склонные к полноте, с которой пытались бороться, но главное сходство — равнодушие к женскому полу.

Женька, в частности, в данный момент неровно дышал к нам с Маришей. Он бы и к Катьке проявил интерес и подышал возле нее, но не хотел злить Прапора и ограничился мной с Маришей. Сама я затруднялась определить свое отношение к Жене, потому что совершенно ничего о нем не знала. Кроме того, что он работает где-то на таможне и, по словам Прапора, недавно тоже купил себе загородный дом, только под Лугой. В связи с этим Прапор и позвал его с собой в качестве эксперта, имеющего опыт приобретения деревенской недвижимости.

В ответ на Катькин вопрос насчет свиного шашлыка Женька смерил ее снисходительным взглядом и сообщил, что настоящий шашлык готовят только из молодого барашка. А все прочее — ерунда и подделка. И к шашлыку из ягненка нужно пить натуральное красное вино, а не новгородский самогон, который там, куда мы едем, в местечковых магазинчиках, он уверен, продается под видом водки. Вариант с местным пивом Женя тоже презрительно отверг, чтобы мы уж точно поняли, какой он гурман, не чета нам, способным наброситься и на шашлык из свинины, и даже на такой плебейский напиток, как пиво.

— Да ладно тебе, Женька! — осадил его Прапор. — Будет тебе. Лучше объясни, что там с кадастровым планом. Я что-то не очень понял.

Мужики снова всерьез и надолго увлеклись обсуждением проблемы правильного оформления бумаг, так как в такой глуши, куда собирался заслать свою мамулю Прапор, агентств недвижимости днем с огнем не сыщешь. А мы принялись глазеть в окно. Прапор собирался проехать несколько деревенок вдоль реки



Мста, в которых имелись выставленные на продажу дома.

— И чего мудрит? — ворчала себе под нос Мариша. — В любой деревне есть парочка заброшенных домов. Приезжай и живи. Никто тебе и слова поперек не скажет. Хозяева десять лет к своей собственности не наведывались и еще двадцать носа не покажут.

— Моей маме нужен приличный дом, а не развалина какая-нибудь, — тут же ворчливо отозвался Прапор, который, оказывается, все слышал. — В развалюху она ехать ни за что не согласится.

До первой деревни, в которой находился намеченный Прапором к осмотру дом, мы добрались в середине дня, совсем немножко поплутав по окрестным деревням и в самом деле наткнувшись на обещанные Маришей без малого полтора десятка вполне приличных брошенных домов. Судя по заколоченным ставням, в них действительно никто не жил. Наша деревня называлась Малая Дубровка, и находилась она вблизи от просто Дубровки. Хотя никаких дубовых рощ и даже вообще дубов тут не наблюдалось. Возможно, когда-то они тут и росли, но затем местные жители распилили красавцев на дрова или для других нужд.

— Ну и как тебе дом? — осведомилась Катька у Прапора, после того как мы всей гурьбой обошли огромный и какой-то неуклюжий дом по периметру.

В нем был всего один этаж. Верней, два, но на первом когда-то располагались курятник, сеновал и хлев. И только второй был отведен под жилье для людей. Но внутрь нам попасть не удалось. Дом был закрыт, а хозяин ушел в запой в соседней деревне еще на прошлой неделе. На наш взгляд, мы проехали кучу домов, которые были ничем не хуже этого, но Прапор был настроен решительно и потащился сам и потащил нас в соседнюю деревню за запойным хозяином.

Мужик нашелся в третьем по счету обитаемом доме, где праздновали чьи-то именины. Нас сначала приня-



ли за дальних родственников именинника, разыскиваемых уже два дня и наконец-то нашедшихся. Поэтому, невзирая на наши протесты, сразу же усадили вместе с остальными гостями. Потом, правда, недоразумение выяснилось, но приязнь к нам у хозяев дома все равно уже зародилась. Однако сразу же стало ясно, что к транспортировке или каким-либо переговорам хозяин продающегося дома не годен.

Прапор и Женя, странно блестя глазами, высказались за то, чтобы остаться тут и дожидаться, когда хозяин протрезвеет, а заодно немного перекусить и отдохнуть. Впрочем, отдохнуть, что бы они ни понимали под этим словом, у них не получилось. Как только местные жители в лице пяти бабок, трех теток и одного однорукого мужика услышали, что явился перспективный покупатель, который скупает старые дома без разбору, они тут же начали предлагать Прапору дома один привлекательней другого. Причем, расхваливая свой товар, они безжалостно хулили дома конкурентов.

— Покупай у меня, милоч, — шамкала какая-то ветхая старушка. — Мне от бабки достался. Отличный дом. Еще дед мой строил.

— Да кому нужна твоя развалина! Бери у меня, — вмешалась вторая старуха, чуть помоложе Октябрьской революции. — На озере стоит. Прямо на берегу!

— Ой, уморила! — захохотала третья бабка. — Озеро! Да оно давно в болото превратилось. Торфяное болото. В ём даже рыба не живет!

— А вот у меня как раз возле дома пруд, там рыбу вполне развести можно! — вмешался в торга единственный мужик. — Сначала осушить, торф и ил выгрести и в город на удобрение продать, а потом снова воду набрать и в нее карпа запустить! Покупай у меня, как раз удобное место!

— Да какая там рыба! — возмутилась тетка. — Со всем ты мозги пропил. Там же коровник на берегу стоит. Вся навозная жижа в этот пруд и стекает.



— Тот коровник давно пустой стоит! Как колхоз развалился, там коров не держат! — обиделся мужик. — А земля от навоза только плодородней сделалась! От матери мне дом достался. Покупай, не пожалеешь. Дешево отдам.

— Ты, соколик, для кого дом-то покупаешь? — прищурившись, спросила у Прапора еще одна бабулька. — Для матери? Так ей лес нужен. Грибы, ягоды, знамо дело. А так в деревне что делать? Огород да лес. Вот и все развлечение. У меня бери. Там до леса и километра не будет.

— Да откуда там лес? — возмутилась какая-то крепкая тетка с румяными щеками. — Это тебе, Матвеевна, по старой памяти там лес чудится. Давно уже весь твой лес на дрова вырубили!

Весь разговор происходил за общим столом, в обществе нескольких бутылок с местной водкой и немудрящей крестьянской закуской — отварной картошкой, посыпанной укропом и политой растительным маслом, солеными огурцами, зеленым луком и редисом. Вместо мяса на столе лежали серовато-зеленого цвета кружки. Мы долго пытались выяснить происхождение этого диковинного блюда, они оказались вареной колбасой, третьего дня привезенной из соседней деревни, куда время от времени все же добиралась автотавка.

Увлечшись изучением странного сорта колбасы, мы с подругами не сразу поняли опасность, исходящую от этого деревенского застолья.

— Поехали отсюда! — заныла Катька на ухо Прапору, пытаясь отнять у него стопку с неприятно пахнущей водкой. — Твоя мама ни за что не согласится жить в такой глуши.

— Зато природа какая! — отвечал ей изрядно поднабравшийся Прапор, для убедительности втягивая в себя ноздрями воздух и явно прикидывая, сколько верст отсюда до ближайшей автобусной остановки или



железнодорожной станции, с которой его мамуля сумеет удрать в город. По всему выходило, что изрядно.

— Обалдеть! — заключил наконец очень довольный Прапор и опрокинул в себя еще рюмку.

Тут уж и мы с Маришей не смогли остаться в стороне.

— Что ты делаешь? — воскликнула Мариша, возмущенно глядя на Прапора. — Ты сейчас напьешься в зюю, а кто нас повезет?

— Я и повезу! — ухмыльнулся румяный Прапор, которого совсем развезло.

— Ну да! Повезешь! До ближайшей канавы! — сказала Мариша.

— Тогда сама за руль садись, — предложил ей Прапор. — Ты же ничего не пила. А права у тебя есть.

И, сделав это заявление, он выбрался из дома, улегся прямо на травке во дворе и захрапел богатырским храпом, велел разбудить его, когда проснется хозяин того дома, который он собирался покупать.

Хозяин проснулся часа через два. Но, увы, мы с девочками проморгали этот момент, когда относительно неплохо соображающего мужика нужно было хватать под белы ручки и тащить осматривать объект продажи. В общем, когда мы вернулись с прогулки по окрестностям, то венки из полевых васильков, ромашек, колокольчиков и других цветов попадали у нас из рук.

Хозяин дома сидел в обнимку с осололевшими Прапором и Женей, и они нестройными голосами пытались вывести «Березку».

— Это что же такое делается? — угрожающе надвинулась на мужиков Мариша. — Вы что, опять пьете? А ехать когда?

— А чего ехать? — пьяно осведомился мужик. — Дом я в прошлом году еще сторговал. Не продается он нынче. Поздно приехали.

— Прапор, ты откуда об этом доме узнал? — насупилась Катька.



— Из Интернета, — отозвался Прапор, которого, похоже, ничуть не обескуражила такая неудача. — А что?

— А что, если и остальные адреса окажутся такими же пустышками? — выразила я легкое сомнение в удаче нашего предприятия.

— Не окажутся, — заверил меня Прапор. — Сейчас поедем в соседнюю деревню. И все купим.

Он сделал попытку подняться, но тут же рухнул обратно на лавку. Женя уже мирно дремал, уронив голову на закуски. Его темные волосы украшали веточки петрушки, а в ухе торчал укроп.

— Нужно отсюда ехать, а то с этим сельским гостеприимством мы просто пропадем все, — опасливо пробормотала Мариша.

С огромными усилиями нам удалось растолкать Женю и пригнать его к «Ниве». Он сел в нее и тут же заснул. Мы проследили, чтобы он не вывалился из машины, и направились к дому за Прапором. К этому моменту тот был совсем плох. И передвигаться на собственных ногах уже не мог. Пришлось волоком тащить его к машине, закидывать на заднее сиденье и трамбовать, чтобы смогли влезть мы с Катькой. В конце концов мы с ней просто сели верхом на лежащего на боку и храпящего Прапора, Мариша взяла бразды правления, то есть руль, в свои руки, и мы поехали в следующую деревню, сопровождаемые прощальными криками гостеприимных селян.

Там в соседней деревне под названием Замостье нам с девчонками пришлось осматривать дом самим, так как мужики напрочь потеряли связь с окружающей их действительностью. К счастью, у нас имелась карта. А названия всех деревень, куда необходимо было захватить, хранились у Прапора в записной книжке. Так же как и имена их владельцев и их контактные телефоны. Сегодня утром Прапор созвонился с тремя хозяевами, которые заверили его, что обязательно будут показывать свои дома. К одному из них, а точнее, к хозяйке,



мы и двинулись, приехав в крохотную, всего на шесть домов, деревню. Показывала домик нам милая старушка. Мы его осмотрели, но нам он не понравился — сыро да и печь нужно было переключивать. Огород совсем зарос крапивой и лебедой. Кусты смородины за зиму основательно вымерзли. А яблони и сливы нуждались в кардинальной обрезке, так как стали совсем старыми.

Пообещав в ближайшее время перезвонить старушке, мы двинулись дальше. До следующей деревни пришлось ехать около тридцати километров. Она была побольше. И дом тут поновей, чем все виденные нами прежде. При доме имелся прекрасный сад со здоровыми плодоносящими деревьями, уже покрывшимися многочисленными завязями, обещая принести к осени богатый урожай фруктов. Но, увы, цена дома оказалась несколько выше предельно допустимой, намеченной Прапором.

В третьей деревне — Верхний Бор — мы смотрели два подходящих дома. Да и неудивительно, деревня была довольно большой. Стояла она на берегу реки, где имелся широкий песчаный пляж, что только добавляло местности привлекательности. Лес тоже был, он темнел на противоположной стороне речки, и к нему вел пешеходный мост. На машине по нему через реку не переберешься, но пешком вполне. Кроме того, в деревне была даже библиотека, работавшая летом благодаря энтузиазму одной из жительниц деревни, добровольно взявшей на себя эту обязанность. Все жители свозили сюда прочитанные книги и через библиотекаря обменивались ими.

— Маме Прапора тут точно бы понравилось! — оглядевшись по сторонам, произнесла Катька. — И читать она любит. Да и очень живописно тут.

Мы с Маришей были полностью согласны. Место и в самом деле было замечательное. Оставалось только определиться с выбором дома. Но хозяева одного из них должны были приехать только к вечеру. А во вто-



ром доме хозяйкой оказалась довольно молодая и разбитная девица, которая представилась нам Любой. Несмотря на жару, она встретила нас ярко накрашенная, при полном вечернем макияже. Ее полное тело с могучим бюстом туго облежала черная маечка-стрейч, позволяющая лицезреть все прелести красотки, так как лифчика она не носила. Бедра туго облежала короткая юбка. Волосы молодка безжалостно вытравила в белый цвет, и на них сидела хорошенькая соломенная шляпка. Но при этом от нее веяло такой первозданной сексуальностью, что ей можно было простить и нелепый макияж, и безвкусный выбор одежды, и даже ее манеру хохотать так, что с близких деревьев тучами слетали испуганные птицы.

— Идемте, идемте, — заманивала Люба нас в дом. — Этот дом мой муж построил. А после развода он мне отошел. Муж себе квартиру в городе оставил, а мне эту фазенду в глухомани выделил. А зачем мне дом в деревне? Я всю жизнь в городе прожила. Вот и хочу продать. А то время пройдет, дом ветшать начнет. Кто у меня его тогда купит? И опять же в дом всегда средства вкладывать нужно. Хоть тут все и добротнo сделано, но то одно, то другое всегда подправлять приходится. Ну, вы сами понимаете. А кто это все будет делать? Не я же! А живые деньги всегда пригодятся. Вот смотрите, — переключилась она на новую тему. — Тут и туалет в доме Виктор сделал. И душ. Только воду для душа насос в дом не подает. Потому что сначала у нас только баня была. А душ Виктор позднее по моей просьбе поставил. И к разводке с водопроводными трубами его еще не подсоединил. Так что в первое время для душа воду в этот резервуар заливать придется. А для полива у нас насос есть. Его я тоже вам оставлю.

Мы обошли весь дом и не смогли найти в нем ни одного изъяна. Цена прекрасно соответствовала качеству. Дом был не очень большой, но новый. Снаружи он был обит вагонкой, выкрашенной в приятный для гла-



за абрикосовый цвет. Всего три комнаты на первом этаже, правда, обставленные добротной мебелью. Гостиная с печью и две спальни с довольно удобными кроватями. Тут же, на первом этаже, была кухня с газовой плитой и холодильником. А также прихожая и летняя веранда, на которой приятно летним жарким деньком попить чаю, сидя под тенью от побегов мощного плюща, обвившего опоры веранды. На втором этаже располагалась мансарда, в которой тоже были две комнаты, но без мебели.

— Вся мебель, которая тут стоит, я вам оставлю, — трещала Люба. — Она включена в стоимость дома. Только холодильник заберу. А остальное перевозить — так дороже выйдет. За перевозки нынче такие деньги дерут! А мебель хорошая, ее мой муж сам делал. А руки у него золотые. Сами видите! Такую мебель делает, что на века хватит.

— А почему вы тогда с ним развелись? — спросила у нее Мариша. — Если он такой хороший работник, что же вы его бросили?

— Я его и не бросала, — печально вздохнула Люба, обдав нас запахом молодого чеснока с собственных грядок. — Там такая история приключилась...

И из ее пышной груди вырвался второй вздох, еще более могучий, чем первый.

— В общем, к моему Виктору первая жена вернулась, — произнесла Люба. — И мне в его доме места в одну минуту не стало.

— И он ее принял? — удивились мы. — После того, как она с другим была?

— Нет, — поморщилась Люба, — там гораздо интересней вышло. Если рассказывать, так прямо целый сериал получается.

— Как это? — невольно заинтересовались мы.

— Если хотите, садитесь, — кивнула нам Люба, указывая на большой диван, стоящий в гостиной. — Расскажу вам, коли интересно.



Рассказ Любки и в самом деле потряс нас. Уж какие удивительные истории нам доводилось слышать, а эта превосходила все прежние. Муж Любы был старше ее почти на пятнадцать лет. Сама Люба ни за что не пошла бы за такого старика, как она считала. Но мать Любки надавила на нее своим авторитетом. И, выпорвав свою почти двадцатилетнюю дочурку, выдала ее все же замуж за приглянувшегося лично ей положительного мужчину. С тех пор прошло чуть меньше десяти лет. И ни разу за все время своей супружеской жизни Любка не могла упрекнуть мать за подсазку. Муж и в самом деле оказался очень хорошим человеком. Не пил, хорошо зарабатывал и иногда позволял молодой жене проводить время с подружками, даже выделяя для этого деньги. Сам он много работал и шумных дискотек не любил. К тому же он вскоре после свадьбы открыл собственное дело, обучая молодых ребят столярному ремеслу, а потом приобщая их к работе. А через некоторое время на его мебельном производстве трудилась уже сотня с лишним работников.

Единственно, что он строго требовал от молодой жены, чтобы к его приходу в доме было безупречно чисто, сварен обед из трех блюд и чтобы летом Люба соглашалась ездить с ним каждые выходные в деревню, где муж на месте развалившегося дома своих родителей собственными руками в качестве развлечения строил новый дом. Детей у супругов не было. Любка несколько раз заводила разговор об этом, но муж каждый раз мрачнел и отказывался продолжать разговор. Любка прошла обследование и выяснила, что с ней все в полном порядке.

— Теперь ты должен сходить! — заявила молодая супруга мужу. — Сейчас есть масса способов, чтобы завести ребенка искусственным путем.

В ответ муж в первый раз за всю их супружескую жизнь повысил голос на жену, твердо приказав ей под



угрозой развода никогда больше не заводить разговоров о детях.

— У нас с тобой детей не будет! — твердо заявил он Любке. — Если тебе нужны дети, уходи к другому!

Любка струхнула. Собственно говоря, уходить ей не хотелось. И зачем уходить? Сытая и беззаботная замужняя жизнь с Виктором ей была по вкусу. И она решила, что со временем переубедит мужа и отведет его к врачу. Время шло. Любка по-прежнему приставала к мужу, который уже не орал, а только отмалчивался. И Любке стало казаться, что муж вроде бы стал оттаивать душой. Во всяком случае, несколько раз он задал пару наводящих вопросов относительно того, какие болезни могут передаваться по наследству. И всегда ли они передаются.

После этих расспросов Люба призадумалась. Что там за хворь такая беспокоила ее здоровяка-мужа, что он опасался заводить детей? Но спросить ей было решительно не у кого. Оба родителя мужа умерли давно. Люба их совсем не знала. А родственники мужа были людьми угрюмыми. Несмотря на довольно долгую совместную жизнь с Виктором, веселая и в глубине души легкомысленная Любка так ни с кем из его родни и не сдружилась. На все ее наводящие вопросы они просто отмалчивались. К приятелям своего мужа Люба с подобного рода вопросами приставать стеснялась, да и не стал бы Виктор делиться с ними своими проблемами. А близких друзей у него не было. Характер у всех Плаховых был нелюдимый. Так бы Люба и гадала, как вдруг случилось событие, перевернувшее всю ее жизнь.

Однажды утром ничего не подозревающая Любка отправилась открывать на звонок входную дверь в их городской квартире. В глазок она не взглянула, так как муж недавно вышел за сигаретами, и она подумала, что это он вернулся. Открыв, она с изумлением обнаружила на пороге вместо мужа незнакомую ей довольно худую и высокую женщину с огромными светло-голубы-



ми глазами и бледным лицом. Незнакомка молча шагнула мимо опешившей Любки и вдруг упала. Люба захлопотала возле нее. Незнакомка не показалась ей опасной. Одетая она была в добротное пальто, сапоги у нее тоже были новые итальянские, а во всем облике чувствовался определенный шарм. Пытаясь привести незнакому женщину в чувство, Люба слышала шаги возвращающегося мужа. Тот вошел, увидел женщину и окаменел.

— Люба! — закричал он.

Но, к изумлению Любки, кинулся муж вовсе не к ней, а в объятия очнувшейся от его голоса незнакомки. Затем последовали слезы и заверения во взаимной любви. Очумевшая Любка молча стояла в стороне, не зная, как реагировать на случившееся. Эти двое совершенно не обращали на нее внимания. Но больше всего потрясло Любку даже не это, а то, как в одну минуту изменился ее муж. От его обычной хмурости не осталось и следа. Можно сказать, что Любка впервые видела его счастливым.

С трудом, но все же до Любки дошло, что эта бледная женщина с огромными голубыми глазами и длинными светлыми волосами является первой женой ее мужа. Звали ее тоже Любой, правда, несколько на иной лад. Полное ее имя было — Любима. И из жизни Виктора, но, как оказалось, не из его сердца, она пропала около двадцати лет назад.

— А где она была все это время? — перебила рассказ Мариша.

— Тут-то и начинается самое интересное, — вздохнула Любка. — Оказывается, в ранней юности у моего мужа от этой Любимы был ребенок. Мальчик. Он родился слабым и часто болел. А когда подрос, стало ясно, что у него еще и какие-то проблемы с опорно-двигательным аппаратом. В общем, намучились родители с ним ужасно. Перепробовали разные лечения, возили мальчишку на курорт. И вот на одном из курортов, в



Евпатории, и случилось это несчастье. Сначала исчез мальчик. Любима выслала своему мужу телеграмму, что обратилась в милицию и начато расследование. А потом буквально следом за сыном исчезла и сама.

— И давно это было?

— Говорю же, она исчезла почти двадцать лет назад, — объяснила нам Любка. — И, оказывается, Виктор долго разыскивал ее. Но розыски ни к чему не привели. Ни женщина, ни ребенок так и не нашлись. Мой муж очень горевал, но со временем его горечь несколько утихла. И он женился на мне. Я же ничего не знала о его прошлом браке. Все словно воды в рот набрали! И можете себе представить, как он мне объяснил, решительным фактором, что он на мне женился, послужила даже не моя молодость, а то, что меня тоже звали Любой. Кстати говоря, это муж настоял, чтобы я перекрасила свои волосы в белый цвет. Видимо, он желал, чтобы я как можно больше походила на его пропавшую жену. Только не вышло! У меня фигура совсем другая.

— Он так сильно ее любил?

— Угу, — мрачно кивнула Любка. — Так сильно, что, когда она заявила к нему спустя двадцать лет после своего внезапного исчезновения, он ее не только принял, но развелся со мной и снова женился на ней, несмотря на то, что ее в свое время признали без вести пропавшей.

— А где же она была все эти годы? — покачала я головой.

— Она говорит, что жила в Крыму. Оказывается, она потеряла память и поэтому не могла вернуться к обожаемому мужу. После исчезновения ребенка она чуть с ума не сошла от горя. Искала его всюду, бродила по окрестностям Евпатории. Где-то там ее и сбила машина. А после этого она ничего не помнит. После того как она окрепла, ей рассказывали, что ее в степи подобрала люди, доставили в больницу, где она проваля-



лась очень долго с горячкой. Очнувшись, она обнаружила, что никаких документов у нее при себе нет и что она ничего о своем прошлом не помнит. И все эти годы жила в том местечке, где и очнулась. Вроде бы даже закончила медицинское училище, работала медсестрой в клинике, потом ее повысили, сделали старшей сестрой. Но не важно. Главное, что в конце концов она очухалась, память к ней вернулась, и Любима явилась к Виктору.

— И что, все эти годы она ничего не помнила о своем прошлом?

— Она рассказала, что память возвращалась к ней очень редко и совсем короткими фрагментарными обрывками. Она помнила фигурку маленького мальчика, своего сына. Но что с ним случилось, она не помнила. Но эти воспоминания были для нее ужасно тягостны. И еще иногда она видела лицо Виктора. И только эти редко посещающие ее воспоминания оставляли у нее щемящее ощущение утраченного навсегда счастья.

— Какая ужасно трогательная история, — хлюпнула носом чувствительная Катька.

И даже мы с Маришей растрогались.

— Да уж, — в очередной раз вздохнула Любка. — Трогательно, конечно, но только не для меня. Хотя вначале я тоже растрогалась. Вот ведь я какая была дура! Гнать надо было эту стерву от порога поганой метлой, а не слезы над ней лить!

— Почему? — удивилась я.

— Да потому что она играючи отняла у меня мужа! Стоило ему увидеть свою Любиму, как вся наша семейная жизнь перестала его интересовать. Вот так разом все и оборвалось. Только что у меня был дом, муж, обеспеченная жизнь и любовь мужа, пусть и не страстная, но верная. И вдруг в один миг — она перешагнула порог — и всего этого не стало. Он с нее глаз не сводил! За руку держал! Возле нее крутился, словно боялся, что она снова исчезнет. И она тоже от него не отставала.



Только что пылинки с него не сдувала. В общем, они вели себя, как два влюбленных идиота. И это прямо на моих глазах! В моем, можно сказать, доме! По-моему, так они меня вообще не видели и не воспринимали.

— И что было дальше?

— А через пару дней мне такая ситуация надоела и я спросила, когда Любима собирается возвращаться к себе домой в Крым. И тут меня словно обухом по голове огрели. Мой муж так спокойно на меня посмотрел и сказал, что никуда Любима не поедет. Она его жена и останется с ним. А уйти придется мне.

— А ты что? — спросила у Любки Мариша, не заметив, как перешла с ней на «ты».

— Я? А как ты думаешь? Устроила скандал! Заявила, что уйти придется кому-то другому. А я законная жена и никуда не уйду. Говорю же, дура была! Квартира-то на мужа записана. Он меня из дома взащей вытолкал, и все дела. А вещички мои просто за мной следом выбросил. Я покричала, да потом за мной мама приехала. Муж ей позвонил. Она у меня женщина рассудительная. Увезла меня к себе. А мужу заявила, что так поступать не годится. Ну, он в качестве отступных мне этот дом после развода и отписал.

И, немного помолчав, Люба добавила:

— Что бы там ни говорили, а я уверена, что все мужики дураки. Эта Любима — та еще штучка. Думаю, что с памятью у нее как раз все отлично. Потому что она про этот дом отлично помнила. И такой мне скандал закатила, не поверите. Я еще и потому хочу его продать, чтобы эта стерва каким-нибудь образом его обратно не отсудила.

— А она может? — насторожилась Мариша.

Нет, эта Любка в самом деле дуреха. Очень славная, но недалекая. Ну скажите, кто же рассказывает потенциальным покупателям, что у них могут возникнуть проблемы с приобретаемым имуществом? Это же ни в какие ворота не лезет.



— Да ничего она не может! — отмахнулась от нашего беспокойства Любка. — Просто зло ее берет, что не все ей под себя удалось загрести. Что дом мне достался.

— Постой, да ведь ты говорила, что дом твой муж уже при тебе строил! — сказала я. — А как же его жена о нем узнала?

— Она именно о нем и не знала, — пожала плечами Любка. — Она про участок в деревне знала. И про то, что тут раньше дом родителей моего мужа стоял. То есть он и сейчас есть, только им никто не пользуется, вот он и разваливается себе потихоньку. А о новом доме Любима узнала только после того, как Виктор его и земельный участок на меня уже переписал. Так она мне такой скандал закатила! При нем она тихоня, воды не замутит. Но вы бы слышали! Ужас! Требовала, чтобы я вернула дом и участок им. Приехала ко мне домой и заявила, что я воровка и дрянь, воспользовавшаяся ситуацией и обобравшая хорошего человека. Ну, моя мама с ней церемониться тоже особо не стала. Она у меня боевая. Выставила эту белесую дрянь. И еще кипятком ее обварить пригрозила. А сама собралась и переехала в деревню. Сказала, что пока так горячо, надо дом охранять. Да и к продаже все подготовить. Подкрасить там, огород в порядок привести. Но главное — чтобы в доме люди жили. А то, сказала, займет его эта стерва, потом не выставишь. И мама жила тут. А я объявление о продаже дала. И мы с мамой решили, что когда покупатели приедут, то я им дом показывать буду. Потому что хозяйкой по бумагам числюсь я. Чтобы лишних вопросов не возникло. Что да почему другой человек показывает, а не хозяйка.

На мой взгляд, Любка выболтала сейчас столько информации, что у любого мало-мальски осторожного человека должна была возникнуть целая туча вопросов по покупке этого дома. Они у нас и возникли.

— А с какой стати первой жене твоего мужа требо-



вать назад этот дом? — спросила Мариша, пока мы с Катькой только обмозговывали ситуацию.

— Да нет, по суду она его требовать назад, конечно, не может, — покачала головой Любка. — Я и к юристу ходила. И мама справки у знающих людей наводила. Не может ни она, ни мой бывший муж назад требовать, что мне подарено было. Это теперь полностью мое имущество. Мой муж документы к дарению еще до нашего развода готовить начал. А после развода и дом этот, и землю, на которой он стоит, мне подарил. Вроде как раздел имущества. Дом ведь был им построен, когда мы в браке состояли. Так что я на него тоже право имею. И юрист сказал, что все у меня бумаги подлинные. И все оформлено правильно. Только этой стерве все мало. И ведь городская квартира ей обратно со всей обстановкой досталась. Сама-то она в своем Крыму за двадцать лет ничего не заработала. Из милости у каких-то людей жила. И мужа опять же вернула. А он в месяц тысяч по двадцать в дом приносит. А уж сколько на самом деле зарабатывает, этого и его налоговый инспектор не знает. А все потому, что руки у Виктора золотые и голова работает. И не пьет он почти. У него на сберегательной книжке почти триста тысяч рублей лежит. Я знаю, видела. И это только в рублях! А еще у него в евро вклад есть. И доллары он в тайнике хранит, я знаю. И золото покупал. И всегда мне говорил, что нельзя все яйца в одной корзине держать. Мало ли что с долларом случится, тогда рубли и евро сохранятся. А если все валюты обвалятся, то золото и недвижимость никто не отменял. Вот так, все эти накопления теперь кому достанутся? То-то и оно, что ей. А мне только этот дом. Да и то вон оттяпать его норовит.

— Бывают же такие люди! — возмутилась Катька. — Столько получила, и все ей мало!

— И не говори! — всхлипнула Любка, которой что-то стало очень себя жалко. — Вот продам вам этот дом



и уеду куда-нибудь. Всегда мечтала мир посмотреть. А пока замужем была, муж меня никуда не отпускал. Видимо, боялся, что я, как и его первая жена, исчезну. Только иначе все вышло. Не я исчезла, а она нам на голову свалилась.

Как могли, мы утешили Любку. И все вместе отправились будить Прапора и Женьку, чтобы они тоже взглянули на дом. Мужики уже проспались и, умывшись у колодца ледяной водой, выглядели вполне свежими и отдохнувшими. Прапор при виде пышных прелестей Любки тут же сделал боевую стойку, за что и получил по затылку от бдительной Катьки.

— Дом мне нравится! — наконец решил он, придиричливо осмотрев каждый уголок.

Мы только фыркнули. Еще бы он ему не нравился. После тех старых хибар, которые мы сегодня повидали, это был не дом, а подарок! Тут пахло свежим деревом, лаком и немножко краской. Но все запахи были приятные. А из окон открывался замечательный вид на реку, берег с круглыми кустами ив, трех мирно пасущихся коров и шумевший за ними лес. Кроме того, огород и сад были в полном порядке. Видимо, Любкина мама, которая жила тут до недавнего времени, действительно не пожалела сил и времени, чтобы поддерживать их в ухоженном виде.

На грядках бодро торчали лук и морковь, нежно зеленел салат. В теплице уже наливались первые огурчики, а на грядках лежали молоденькие кабачки, так и просящиеся, чтобы их поджарили и съели с мелко порубленным укропом с грядки и молодым чесночком. За домом раскинулось целое картофельное поле, обещавшее хороший урожай. А возле дверей дома раскинулся настоящий цветник, над которым жужжали пчелы. Возле цветника на песчаной площадке была установлена беседка, над которой склонялись взрослые, но еще не старые плодовые деревья.



— А вон там был старый дом, о котором я вам говорила, — сказала Любка, указывая рукой вниз, где в нишечке и в самом деле стоял старый, покосившийся на один бок дом. — Видите? Муж сказал, что его даже сносить не придется. Сам постепенно развалится. Старый уж больно. Его еще задолго до революции предки моего мужа поставили. По тем временам дом был хороший, но уж сколько лет прошло. Но у мужа рука на него не поднялась, чтобы снести. А вы можете. И на дрова используете. Муж говорил, что предки его крепкое хозяйство имели. Не пили, не ленились, поэтому и свою копейку имели. И вообще никакой работой не брезговали. Дети тоже при работе были. Кто дома, а кто в барской усадьбе трудился.

— Тут еще и старинная усадьба есть поблизости? — восхитилась я.

— Самой усадьбы давно нет, — покачала головой Катька. — Пожгли ее после революции. То ли сами хозяева, чтобы большевикам не досталось, — то ли те сожгли, я не интересовалась. Но развалины остались. Если хотите, я вам их покажу, — не слишком охотно предложила нам Любка и, как бы отдавая дань истине, добавила: — Там красивое место. Излучина реки. Только мрачно очень. Так и кажется, что сейчас от развалин духи прежних хозяев прилетят и за собой утащат. Кстати, местные болтают, что там на развалинах видели призрака.

— Б-р-р! — вздрогнула Катька. — Зачем ты нас пугаешь? У меня прямо мороз по коже пробежал!

Но Любка в ответ только весело расхохоталась.

— Лично я ни в какие привидения не верю и знаю только одно, что там рыба отлично ловится, — сказала она.

Упоминание о рыбе вызвало у наших мужчин значительно больший интерес, чем развалины какой-то усадьбы с привидениями. Прапор тут же принялся вспоминать, прихватил ли он с собой спиннинг. И где



бы можно было накопать червей для наживки. Любка вызвалась сопровождать нас на прогулку к реке. Видно было, что она в деревне и в самом деле скучает. Она быстро собрала с собой еды, положила в переносную сумку-холодильник несколько бутылок местного пива и кваса и предложила нам переодеться в купальники, чтобы мы могли искупаться.

День уже клонился к вечеру. Но все равно было еще очень жарко, так что мы дружно потопали переодеться, радуясь при мысли о скором купании. Дорога до старой барской усадьбы сохранилась еще с прежних времен. Когда-то она была выложена битым камнем. И сейчас хоть и поросла травой, все еще была хорошо заметна. Мы прошли вдоль реки, поражаясь красоте природы и почти полному отсутствию комаров. У реки гулял ветерок, который сдувал противных насекомых к лесу.

— К усадьбе направо, а на реку, на пляж, — налево, — сказала Любка, останавливаясь у развилки.

И в самом деле направо уходила заросшая, но когда-то широкая, выложенная камнем дорога. А налево — узкая тропка, явно протоптанная местными любителями рыбалки.

— Конечно, пойдем на реку! — дружно решили мы и двинулись налево.

У реки мы разделились. Мужики, наспех окунувшись в воду, отправились с удочками к корягам, с которых, как сказала Любка, удить было лучше всего. Потому что там рыба прикормлена. И охотно делает поклевки в привычном месте.

— Тут водится крупный окунь и плотва, — сказала Любка им на прощание. — А если взять лодку, то дальше по реке есть запруда, а в ней ямы, где ловят и сомов. Шуку деревенские рыбаки тоже берут.

Услышав про сома, Прапор даже застонал. Поймать эту рыбу было его давнишней мечтой. Так что мы почти не сомневались, что Прапор купит этот дом, возле



которого водятся сомы. А мы под предводительством Любки прошли по берегу реки в противоположную сторону. И вскоре вышли к небольшому пляжу с узкой полоской песка. Тут никого не было, видимо, жители деревни предпочитали более близкий к деревне пляж. Вода в реке была холодной. Так что у нас даже свело ноги. Но мы все равно искупались. А потом развалились на траве и, потягивая пиво, принялись болтать.

ГЛАВА 2

Очнулись мы от криков наших мужчин.

— Ой, как поздно! — вскочила на ноги Катька. — Солнце совсем село. И есть хочется.

Но насчет этого мы не беспокоились. Наши рыбаки наудили достаточно рыбы, чтобы хватило для ужина и еще осталось бы про запас.

— А у нас возле дома есть коптильня! — обрадовалась Любка. — Можем в ней закоптить этих окуней. Они не крупные, так что максимум через полчаса будут готовы.

И мы поспешили назад к дому, предвкушая вкус копченой рыбы. Но прежде чем нам удалось отведать рыбки, случилась одна вещь, едва не испортившая нам всем аппетит. Не успели мы разжечь мангал и водрузить туда металлический ящик коптильни с проложенными березовыми опилками и разложенной потрошенной рыбой, как возле дома затормозила машина.

— Кто-то еще приехал, — Катька первой заметила высокий потрепанный джип темно-розового цвета.

Любка выпрямилась и тоже посмотрела на гостей.

— Ой! — произнесла она, побледнев. — Это же они! И чего приперлись?!

Мы не стали уточнять, кто это они. И так все было ясно. По дорожке к дому двигался высокий, слегка грузный мужчина с крепкими крестьянскими руками и слегка угрюмым загорелым лицом. Его спутница ря-



дом с ним казалась еще изящней и стройней, чем была на самом деле. Словно породистая кобылка чистых кровей рядом с рабочим битюгом. Трудно было даже предположить, чтобы у двух таких даже внешне разных людей могло быть что-то общее. Однако не было никаких сомнений, к нам пожаловал бывший Любкин муж со своей новой супругой.

Честно говоря, даже Любка, несмотря на то, что она была моложе своего мужа на пятнадцать лет, подходила этому мужчине гораздо больше, чем его нынешняя спутница. Мне она сразу не понравилась. Вся такая холеная, на лице ни единой морщинки. Сколько же ей лет? Сорок? Сорок пять? Но выглядела она от силы на тридцать с хвостиком. Дольше всех сохраняют молодость и свежесть люди, не принимающие никакие неприятности близко к сердцу. Должно быть, Любима была именно из таких людей. И к тому же, несмотря на внешнюю привлекательность, у нее был холодный и надменный взгляд. А когда она окинула наши нехитрые приготовления к ужину, на лице мелькнула легкая брезгливость, едва заметная, и держалась она всего лишь мгновение. Но каким-то образом одним своим появлением эта женщина умудрилась дать нам понять, насколько примитивно и вульгарно все то, чему мы только что искренне радовались. Пойманная своими руками рыба, простенькая коптильня и нарезанная зелень с огорода были ею осмотрены, взвешены и презрительно отвергнуты.

В отличие от нее, муж Любки оглядел наши приготовления к ужину с одобрением и даже с легкой завистью. И враждебность, отразившаяся у него на лице, была совсем иного плана. Напротив, этот бы и сам не отказался посидеть вот так у мангала. Вместо нас. И его можно было понять: этот дом и все, что находилось в нем и возле него, было приобретено или сделано его собственными руками. Но мужчина взял себя в руки и, кивнув всем нам, сказал:



— Здравствуй, Люба.

Любка в ответ лишь холодно кивнула, молча продолжая сверлить взглядом мужа и его спутницу.

— Виктор, — представился нам мужчина. — Хозяин всего этого.

И он широко обвел дом, пристройки, сад и огород.

— Бывший хозяин! — резко заметила Любка. — И чего ты приперся?

— Как не стыдно! Неужели ты прогонишь меня? — усмехнулся мужчина. — Как ни крути, а мы с тобой не чужие люди.

— Мне помнится, при разводе ты говорил совсем иначе, — хмыкнула Любка. — Тогда я была тебе духовно чужда и никогда не понимала тебя и вообще никогда не устраивала, и терпел ты меня исключительно из жалости.

— Ты не больно-то нагличай! — разозлился Виктор. — Дом — мой. И земля — тоже моя. Я тебе подарил, я могу и отнять.

— А вот и нет!

— Да!

— Нет, я ходила к юристу. Он четко мне сказал: что подарено, обратной силы не имеет!

— Это дом мой! — резко произнес Виктор. — Ты к нему не имеешь никакого отношения!

— Поздно спохватился! Раньше об этом нужно было думать! — вспыхнула Любка. — И вообще, Виктор, ты у меня десять лет жизни украл, а я у тебя только дом забрала. И ты еще права свои на него качаешь! Нехорошо!

— И когда же я их у тебя украл? Когда ты за мои деньги со своими поблядушками-подружками по дискотекам скакала? Или когда целыми днями баклуши дома била? Ни обеда толком приготовить не умела, ни пол помыть. Если бы не твоя мать, давно бы тебя взащей прогнал!

— Так что же сразу не прогнал? — подбоченилась Любка.